

Еврейское горе

Полтора часа меня убеждали, что евреи тоже люди. Что они и любить умеют, и бояться тоже. И здравомыслие им не чуждо, и романтические увлечения. И высокие страсти. И горные порывы. Российский еврейский конгресс, который спонсировал спектакль, задумывал поддержать благое и душеполезное дело. Но, когда хорошее борется с лучшим, возникает обратный и непредсказуемый эффект: ампула положительного героя, как правило, ходульно, схематично и потому ускользает от нашего СО-участия. Тем более, что с самого начала нас заботливо предупреждают: персонаж Ковальского обречен на хэппи-энд: постаревший и эмигрировавший в США человек отказывается свидетельствовать против своих мучителей. «Без меня, — говорит он измученным от ностальгии голосом. — Без меня!» Не спасает даже энергичное обаяние Арсения Ковальского, который все, что мог — совершил: создал песню, подобную стону. В общем, пропорциональный и ладно скроенный «Лиловый дым» оказывается совершенно перегруженным по мелочам. Да, в нем слишком много и хорошего, и плохого для того, чтобы все это могло уместиться в моей гойской головушке. «Прочее, — как написал Верлен, — как написал Верлен, — литература». Даже если она и рассказывается сугубо театральными средствами.

Федор ГУНДОС,
«Команда»

Детский мир

«Лиловый дым» моноспектакль правильный — как теперь говорят — «политически корректный» — О судьбе доброго и симпатичного еврейского «вьюноши» (Арсений Ковальский) — угодившего в самое пекло разборки между коммунистическими захватчиками и литовскими стрелками-партизанами — Как опытный кукловод — режиссер и автор сценической редакции Александра Кругляк проводит нас по всем пунктам и пунктикам гуманистического (читай обыденного) сознания — Точно застегивает спектакль на все пуговицы — Точно хочет победить — не одним — так другим — Война — смерть близких — постоянная опасность собственной гибели — кровь-любовь — из огня — да в полымя — «но жизнь не стоит на месте» — И в качестве апофеоза — эмблематическое «Лагримозо» из «Реквиема» Моцарта — Его мы слышали вчера в «Моцарте и Сальери» — Пустячок — а неприятно — потому как прием выдает с головой —

И мы понимаем — мимо нас проплывает очередной тяжеловесный «Титаник» — История в нем — дабы быть понятной всем и каждому — должна быть прямой как рельса — уютной как луковый суп и слезливой как голодный младенец —

Видна титаническая работа с гигантским количеством текста — который фонтанирует — брыз-

«Привезите к нам в Житомир немного хороших людей. И мы отдадим им все граммофоны».

Исаак БАБЕЛЬ «Конармия»

жет — — — И с которым так умело справляется наш исполнитель — Хотя слов все равно больше — чем хотелось бы — Если это и театр — то «литературный» — где все-таки главное «слова — слова — слова» —

История — которая из них складывается — априори должна составить трепетать все тонкие струны зрительской души — Но идентификации с персонажем Арсения Ковальского не происходит — Хотя бы потому — что во всех своих злоключениях виноват он сам — его сентиментальность — бесхребетность и мучительная порядочность — Персонаж заключен в рамку обстоятельств — как актер вписан в вертикальный прямоугольник станка — похожего на брусью — Или — если быть более точным — на устройство для кукольного шоу — Пытаясь манипулировать моими зрительскими ощущениями — он сам — в конечном счете — оказывается куклой —

Гуманизированное искусство выдохлось давно и безнадежно — Свидетельством этому — в том числе — и моя реакция на — казалось бы — весьма чувствительную и близкую мне самому тему — Тонкая и умная работа — без передержек и вкусовых провалов — оказывается едва ли не бессмысленной — Сюжет — коль он из жизни — всячески противится той степени разжеванности — когда фабула превращается в жидкую кашку — Ей — конечно — можно кормить детей — но мы-то с вами знаем — что этот остров необитаем —

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ,
«Культура»